

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 132 (3316)

Четверг, 4 ноября 1954 г.

Цена 40 коп.

РАСКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

СОРЕВНОВАНИЕ

Нат. СОКОЛОВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

1. «Кажется, ничего не забыл?» — Поздняков прошелся еще раз по комнате — это доставляло удовольствие, он еще не привык в своей новой квартире в многоэтажном доме на улице Свободы. Правда, пустовато, надо бы кое-что из мебели прикупить, ну, да ведь не все сразу делается.

У балконной двери деревца-фигузы вздрагивали крупными листьями в такт прохладному автобусу. Все вещи тут, в комнате, были так привычны, что и не замечались вовсе: комод с белой накидкой, фотографии родичей, за зеркалом — почтенные грамоты (вон их сколько накопилось, целый рулон), рисованый коврик, на котором у маслинистого пруда скучает дама с локонами, на комоде — охотничьи, с ног до головы щедро выкрашенные серебристой алюминиевой краской, такая же Красная Шапочка. Охотника и девочку Поздняков купил далекого отсюда, когда езил на Омский шинный завод передавать опыт, в Ярославль эти нехитрые фигуры служили предметом зависти, тут мудрено было что-нибудь достать для украшения квартиры.

Дочка выглянула вслед Позднякову, свесив боку через перила.

— Да свидания, пап!

— Да скоро, дочка...

Двор шинного завода напоминал парк, дорожки, с двух сторон стоящие ветками кустов, были хороши даже сейчас, когда спутанные стебли высоких цветов будели и отмирали, обнажая уже прохваченную первым морозцем селеватую землю. Здесь во всем чувствовалось что-то уютное, благоустроенное. Завод отпраздновал свой двадцатилетний юбилей, в коллективе было немало ветеранов, автомашины, обутые ярославскими покрышками, ходили по всем дорогам страны.

Поздняков, вытянувшись ростом и особенности шириной плеч среди изутих, скрепленных между собой, тяжеловесов, шагал по асфальту, изредка наступая на ярко-желтые, одиноко разбросанные, хрюстящие под ногой листья. Его окинула с ним здорово-весь. Редко кто на заводе, разве какой-нибудь уж совсем желтогородий новичок, не знал в лицо бригадира прославленной бригады вулканизаторов — обычно издавна узнавали его тяжеловатую устюженную походку, широкий размах грунтовой каски, плотную, коротко подстриженную прядь, которая улом спускалась на лоб.

С чего начальилась большая слава поздняковской бригады? Тех вулканизаторов работал хорошо, завал все меньше брака. Тогда, когда-то, стали поговаривать: «А как это вообще мы еще терпим брак? Все в наших руках, все от нас зависят, от нашего мастерства, старательности — и вдруг брак... Можно ли с этим мириться?» И вот бригада Позднякова первая начала гонорование за работу без брака — совсем без брака!

Знакомый смесильщик поравнялся с Поздняковым и сообщил новость — один из работников завода уехал главным инженером крупного шинного завода взамен несправившегося товарища. Поздняков понимающе сунул глаза — этот несправившийся товарищ «ушел» не без участия ярославцев, приезжавших на тот завод пропагандировать передовые методы труда. Поздняков тогда из готовой продукции отбросил сразу штук двадцать покрышек: дефекты призамазаны, подзакрашены, чтобы только через ОТК пропустить покрышку, а кто будет сидеть, проглянет все на свет. Главный инженер вскипал: «Раз вы посланы передавать опыт, то передавайте, а остальное не ваше дело!» — и схватился за покрышку, чтобы тащить ее вперед. Поздняков положил свою уверенную руку на прохладную решину: «Раз мы посланы наружу, мы ее наружим!». В Москве, в главке, был потом серьезный хозяйственный разговор о том, как поднять завод, и вот — первые шаги.

По кругой лестнице Поздняков поднялся на второй этаж, открыл дверь — и сразу в лицо пахнуло знакомым теплым ветром, он ощущал дыхание цеха, запах резины, kleja, ацетона. Плавно проплывали на крючках конвейера, почти касаясь пола, большие, вязко висящие матые мутфты турецкого отливка — будущие автопокрышки. Медленно проехал по чугунным пистам автобус, высоко груженный громоздкими, уже готовыми шинами, — из умелась на тележке всего несколько штук. В темных закоулках цеха уже горели лампы. Кончала работу первая смена. Здравствуй, цех!

2. Бригада Андерсанова работала в первой смене. Сам Сафар, не-большого роста, очень подвижный человек, голый до пояса, блестящий от пота (на

шинном заводе всегда тепло), придерживая рукой в рукоянке цепь электроподъемника, оглянулся через плечо и, видев проходившего Позднякова, засиял неудержимой золотистой улыбкой, а потом настороженно блеснул ему вслед темными глазами: «Ого, сегодня еще раньше пришел готовить смену!» И тут же его сноха захватила работа, подчинив себе строгий ритм бригады. Горячий, но хорошою самолюбивый, Сафар ревниво следил за успехами Позднякова, со свойственным ему темпераментом переживал все хорошее и плохое в его бригаде. Поздняков, человек основательный, проявлял ровный, неторопливый интерес к тому, как живут и работают остальные бригады цеха.

Сафар с напарником стоял у автоклавов — сами автоклавы, круглые колодцы, уходили глубоко вниз, над полом выступали только их крышки, похожие на крыши громадных, зарытых по горло в землю чайников. Сафар, необходиная составная часть ре-зины, была помещена в каучук где-то в самом начале производственной цепочки, в одном из первых цехов, но только здесь, в каучуке, который только что сделал смену, и другой, который свою смену уже принял.

Перемазанный, разогретый работой Андерсанов и сопровожденный спокойным Поздняковым в свежей голубой безрукавке, еще не занятнанной сажевой смазкой, сошли с доски показателей. В цехе был заведен простой, ясный, экономный учет по соревнованию. Никаких лишних громоздких по-казателей, затмевающих картину, всего три графы — общее количество, сколько покрышек дано первым сортом, сколько бракованных.

— Ну, как идет дела? — Сафар дружелюбно покосился снизу вверх на Позднякова (тот был перевесен в новую бригаду). — Не плачешь по своим старикам?

— Теперь что плакать, что не пла-катъ... — Поздняков повел своим липтыми плечами. — Работать надо, и все будет наше. Народ, конечно, «запущенный».

Бывает в цехе такой участок работы, при одном упоминании о котором у руководителей начинается зубная боль. Всевышняя бригада дошла, как говорится, до ручки. Бригадир выпил (а люди все видят), орал на токариной, вдвоем был пойман полными при попытке скрыть брак. При следующем бригадире, человеке слабо-волном, тоже дело не пошло: произошла драка между членами бригады.

Секретарь цеховой парторганизации Логинов позвал к себе Позднякова и заговорил о том, что восьмой бригаде нужен бригадир, и бригадир сильный, твердый. «Что ж, Петр Никитич, — просто сказал Поздняков, если доверят, так я, пожалуй, буду стараться. А если нет, я уйду». Они прекрасно знали, что если бы Поздняков добрался до членов своей бригады, то получит бы завидное место во всесоюзном соревновании вулканизаторов, почет, премии. «После выходного, говоришь? — переспросил Логинов. — Добре».

И вот впервые по платежной ведомости Поздняков получал самую скромную сумму — без всяких надбавок. Впервые привез его фамилии стояли плохие показатели. Они, увидев, удивились, но как медленно, постепенно и как далеко им было еще до показателей передовиков, какой длинный путь предстояло пройти, чтобы овладеть мастерством. Товарищи Позднякова обсуждали успехи и промахи ленинградских, сибирских, московских резиников, дрались за лучшие места во всесоюзном соревновании — он пока еще не мог думать об этом.

— Да-а... — Сафар смотрел на доску по-казателей. — Знаешь, есть такая правильная пословица: Не будь, как кирка — только себе, только себе, будь, как пила... А то Поздняков не принял шутку.

— Казать по правде, давно хотелось доказать, что с любыми людьми можно прожить без брака, если только не лежаться с ними работать... — Он подозрительно глянул на маленького бригадира: уж не вздумал ли его утешать? Поздняков не нуждался в утешениях. — Валите, деляйте первые и вторые места, квартал ваш. А на следующий квартал уж поспорим!

Он махнул им прощанье рукой и, раздвинув мясо висящие покрышки, пригнувшись, прошел через конвойер к месту работы. Сафар смотрел ему вслед, улыбаясь широкой золотистой улыбкой.

Начала работу вторая смена.

ЯРОСЛАВЛЬ

Рис. И. Незнайкина

Приметы года

Паша Крутых из записной книжки писателя

На каждом заводе, в каждом цехе, в каждом коллективе есть природенные рассказчики, любимицы коллектива, подчас артисты в душе, которые в минуты отдыха где-нибудь в заводской столовой, в красном уголке собираются вокруг себя охотников послушать, посмотреть, набраться мудрости.

Это теперь уже не темный пожилой человек, доходящий до величины своим кондовым умом. Не такой, как дед Слышишко у Бакова. Нет, это грамотные, бывалые люди, часто фронтовики, рабочие высокой квалификации, запаслены и заставляли всяких общественных мероприятий.

Таков в механическом цехе бывший танкист Паша Крутых. Так его, по-сердечному, называют, хотя ему уже за тридцать, отец двух детей, знатный фрезеровщик, рационализатор. Высокий, тощий, кудлатый, ходит в комбинезоне с ворсистыми карманами. Глаза лукавые, с прищуром, говорит чисто, без всяких «кнутов» и «значит».

Молодежь льется к нему, ходит за ним по пятам. Он умеет сразу привлечь к себе внимание. Входит, например, в красный уголок и громко спрашивает:

— Кто знает, почему луна не из чугуна?

Все в красном уголке отрываются от журналов, от шахмат. Все озадачены необычным вопросом, все чувствуют в вопросе веселый подвох и заранее улыбаются. Завязывается разговор о полетах на луну, в стрatosферу, о современной авиации. Паша Крутых рассказывает о летчиках-героях, а потом, будто невзначай, напоминает, что завтра День Воздушного Флота.

Главное в Паше Крутых — это умение влиять на людей, побуждать к действию. Каково в первых отчетно-выборном профсоюзном собрании он загадал такую загадку: «По дорогешел, две дороги нащел, по обеим пошел. Что такое?» Загадка старая, народная. Несколько голосов ответило: бригада.

— Ничего подобного! — возразил он. — Это работа нашего председжника Журавлева.

Дружный смех подвел итоги деятельности беспринципного председателя. В цеховой комитет в результат голосования Журавлев не попал, как дразнь его ни тащили.

Крылатые слова агитатора часто повторяют в цехе: Говорить — не стать варить! Авторитет делами берегут! Верно жить — народу служить! Мало любить Родину, надо, чтобы и она тебя любила! Конечно, чаще всего это — фольклор. Но без них нельзять представить себе Пашу Крутых.

И вот встречає нынче Паша Крутых в Москве, приехал в командировку. В шапке, в плаще, в наглаженных брюках, он чувствует себя неловко, просит с добродушной ухмылкой:

— Да-а-а... — Паша постоит в сторонке. А то разговорится, увлечется, еще людей на ходу посыбает.

Мы стоим чуть в сторону от моста, что к Киевского вокзала. Все озадачены необычным вопросом, все чувствуют в вопросе веселый подвох и заранее улыбаются.

Помимо о просьбе «Литературной газеты» написать о самой интересной приставке года, я, улучив момент, спрашиваю его:

— Павел Васильевич! Что, по-твоему, самое характерное для тридцати седьмого года Октябрьской революции?

— Гм, это надо подумать... — отвечает он, без надобности наяву называя на лоб воршорую шляпу.

Вокруг нас гулом великого города морено дышала красавица Москва. Паша Крутых повернулся спиной к парапету, облокотился и мечтательно смотрел вдаль. Может быть, он мысленно вернулся на наш Урал?

— По-моему... — медленно начал он, — у нас на заводе очень сильно в этом году поднялась активность народа. Правда? Вот смотри, все говорят, что нынешнее отчетно-выборное

партийное собрание всех подняло. И верно! С огоньком крикнули, недостатки. Очень по-домашнему. Принципиально и крепко. Ни один не оглядывался на президиум... — Он опять подумал и продолжил, как бы рассуждая сам с собой: — Требовательность снизу к руководителям повысилась. Многим товарищам напомнили, что руководить — значит народу служить. Многих заблудливо приглашали при выборах партикома, тех, кто обанкротился. В прошлом году еще терпели таких... А потом пришли еще — рабочих сколько стало! Наш редактор многоголоски жалуется — тесно в газете, а в прошлом году,

— Он помолчал. Потом разумчиво подвел итог:

— Пожалуй, так: это самое главное. Понимаешь, год был столь богат событиями большой важности, что каждый человек, как-то опустился себе еще более ответственным, еще более значительным лицом в своем государстве. Ведь все, что делают у нас ЦК и правительство, по душе каждому. Конечно, причина и в том, что за плечами у народа не год, не два, а тридцать шесть лет советской власти. Теперь уже можно считать тридцать семь...

В. ОЧЕРЕТИН

НАСЛЕДНИКИ ОКТЯБРЯ

Меня влекли мальчишечьи забавы, Когда с «Авроры» грянули новый век. ... Но я прошел пути и перепрыгнул Сквозь семя дернов и через сорок рек.

Солдаты Сталинграда и Моздока, Наследники прямые Октября, Мы шли под пламя доблести высокой. Невиданные подвиги творя.

И молодым, кто, нам идя на смену, Встает под стяг Отечества бойцом, С величим прошлым мы одновременно Грядущего судьбы передаем.

Мы стали солнцем для земного шара С тех самых пор, как против тьмы и зла С Невы по Петроградским тротуарам На Зимний революция прошла.

Она прошла через Москву и Прагу. Башня в Пекине, вошла в Пхенъян, в Тибет... Всё шире и дружней алеют флаги На вахте мирных трудовых побед.

Солдаты Сталинграда и Моздока! Дорога наша — вдохновенный труд. Великая мечта и долг высокий Нас окрыляет, к подвигам зовут!

Любомир ДМИТЕРКО
Перевод с украинского Дм. Седых

СЧАСТЬЕ ОТЧИЗНЫ

Жаркими дыханием нас ты согрела, Крылья дала нам, пустила в полет, Силы вдохнула в иссохшее тело. К жизни вернула киргизский народ.

Матерь стала киргизом Россия, Радостью сердца, сиянием глаз. Наша земля улыбнулась впервые, К жизни вернула киргизский народ.

Горы блестят в электрических звездах, Мчатся машины то в небу, то вниз. Волности воздуха, Отечества воздуху Полною грудью вдыхает киргиз.

Партия, ты нам открыла законы Дружбы и мира, как правда, ясна. Кто наш строитель, писатель, учений, Бывший чабан и сын чабана.

Служит прилежна река человеку, Силу несет

Из записной книжки писателя

В степях Казахстана

Моя степь шире моих мечт. В ее объятиях расположены места будущих красивых городов. На месте этих городов пока живут только в белых шатрах геологи. Но инженеры уже готовятся обуздать силу ветра, превратить ее в столь нужную покорителям степей энергию. Я мог бы поведать и об академике, учащемся на пастухах, и пастухе, ставшем учеником академика; они создают новую породу тонкорунных овец.

Не о них, однако, сегодня речь. Я хочу рассказать о маленькой казахской старушке, живущей в маленькой красной будке, о поварихе, бабушке Ажир.

Она обитает в этой будке, напоминающей собой вагон: длинный, разделенный на четырехместные купе. На большом стole, что стоит в середине вагона, расписаны зачтенные до дыр знакомые романы, со следами чирозизма и маслянистых пятен. Вместе с дымящим изредка сюда проникает запах супа, варящегося в большом казане.

— Подождите малость, сейчас соберется все мое мальчики, — говорит она шепотом.

— Где же они, что делают?

— Новую землю открывают! Целину, — отвечает она,бросая взгляд на человека, спящего в дальнем углу вагона.

— Кто там спит?

Бабушка отвечает еще тише:

— Золотой джигит, Андрей Кашеварников. С моим сыном на одном тракторе работает. За ночь — десять гектаров открыты...

«Золотой джигит» спит крепко под дносящейся издали ровный гул трактора. Мне кажется, стоит на секунду замолкнуть шуму мотора, как человек удивленно откроет глаза и мигом вскочит на ноги.

Бабушка Ажир, собрав к обеду ложки, тарелки, нарезанный хлеб, направляется со мной под короткую тень вагона.

— Мой мальчики или на тракторах или в часы отдыхи на озере с удочками. Пока не проголодаются, домой не спешат. Звать надо...

И, взбравшись на бочку из-под бензина, она начинает размахивать небольшим алым флагжком.

— Вот как зову я своих мальчиков, — объясняет она.

Она еще стоит на бочке с флагжком в руке, когда из будки выходит Андрей. Прищуренными глазамиглядит он на закатающуюся солнце, потом на левую руку, на часы.

— Сколько же может спать человек, мамуся! — воскликает он.

— Хорошо спал, мой сын.

И, взяв Андрея за руку, направляется ко мне.

— Знакомьтесь, этот мой сын — ленинградец. Недавно здесь была его мать, Мария Мир — матери — быстро друг друга понимаем... особенно, когда посылаем сыновей на подвиги. Кто подумал бы: в нашей степи открывают они новые земли! Мария мне ее доверила, в сныши передала. Раз обеще дело, хорошее дело, пусты, сказала, будет на время у него еще одна мать — казахина. Породнились... Хорошо работает сынок, так и скажу Марии. Поехали к ней?

— А как же, обязательно, — сразу отвечает Андрей. — Как договорились — после уборки в Ленинград, с тобой.

Со стороны озера доносятся громкие голоса. На краю вспаханной земли показываются трактористы.

Я вспоминаю сейчас, в Москве, это осенне утро. Встаёт передо мною прекрасная, бесконечная степь. На самом высоком месте стоит старуха Ажир, машет своим флагжком, пристально глядя на меня в даль.

И по зову ее, матери, слетаются со степи соколы, ее дети.

А. ТАЖИАЕВ

К морю!

Смеркалось, когда я покинул гостеприимный стан тракторной бригады, раскинувшейся километрах в десяти-двадцати от Волги. По живому, сухому и колючому, я вышел на просеку дорогу, тинувшуюся вдоль ровной стены молодых дубков, и оглянулся.

Ни костра, ни бенгального стена уже не было видно. Они скрылись за пригорком с тремя бересняками, рельефно выделяющимися на темнеющем небе. Только отчетливо доносились звуки барабана. Это в вагоне трактористов кто-то неторопливо играл трогательно-грустную мелодию, которая удивительно гармонировала с этим тихим и тоже немного грустным вечером.

Августовские ночи в степи особенно хороши.

Сумрак густел с каждой минутой, приносил с собой нелестную прохладу. А горизонт был чист и были видны шагавшие с пригорка на пригорок телеграфные столбы, самодходный комбайн вдалеке, бросавший перед собой пучок молочно-белого света, и даже полосатые арбузные корки на обочине дороги. В листве дубков изредка попискивали сонные птицы.

Не спеша я шагал дальше. Торопиться было некуда, до Волги здесь ходу не больше трех часов, а пароход приходил только утром.

В этом отдаленном левобережном районе среднего Поволжья я был впервые и, покидая тракторную бригаду, попросил словоохотливого столяра-сторожа рассказать, как добраться до пристани. Из его объяснений я запомнил: километров через пять — кустарник, за которым начинается крутый обрыв. Здесь следовало уклониться влево, дойти до Волчьего яра — «от тебе, милок, сразу в глаза бросится», — спуститься на луговую дорогу, там руку подать до Волги.

Через час, подойдя к густо разросшемуся кустарнику, я свернулся влево, прошел еще с полкилометра, Волчьего яра не было.

Послышалась топот копыт. Из степи скакал всадник, еле различимый в темноте. Лошадь всхрапнула и остановилась.

— Подъезжайте, — крикнул я. — Или боитесь?

— А чего мне бояться? — немного погода донесся ломкий мальчишеский басок. — Я ничего не боюсь...

Но по голосу чувствовалось — паренек насторожился, выжалась. Я объяснил, что разыскиваю Волчий яр, а иду на пристань.

— Так он же вот, рядом — заговорил паренек, и голос его стал мягче. — Вы так бы и сказали сразу...

У паренка, видимо, отлегло от сердца, и он подъехал ближе. Я разглядел седока. Он был в полуслубке и сапонках. Болосы на его непокрытой голове растрепались и вихрами свинцали на лоб, касалась бровей. А брови были такие широкие и черные, что даже ночные выделялись на склонистом лице.

Значит, на пристань вам? — переспросил паренек. — А я в ночное. Да призапоздал чуточку. Председатель на Орлике в район ездил, только вернулся. Наш ребята уж картошку, наверно, в лугах варили.

Орлик мотнул головой и тронулся шагом. Я пошел рядом по рыхлому чернозему. Некоторое время спустя паренек проговорил, видимо, заметив, как мне тяжело идти по паркам:

— Сейчас на дорогу к морю выберемся. И тут же яр...

— К морю? Ты чего еще выдумаешь?

— Ничуть и не выдумаю, — мой спутник обиделся. — Тут же скоро море разольется! Вода прямо к яру подойдет... Колхозы, которые в пиззине, все переселяются сюда, на гору. На самом берегу моря жить будем!

Кустарник кончился, и показалась дорога. У самой обочины стоял столбик с прибитой к нему доской.

— А это ребята из нашего класса обзывают ее вывесили.

Я чиркнул спичкой. На белой, выкрашенной маслинкой краской было написано крупными печатными буквами: «Здесь будет море».

— Как спуститься, лядя, под яр, так право по дороге. Она и пристань летят, — снова повторил на проптанье мой спутник и взвалил каблучки в бока жеребчика. — А ну, Орлик!

Я долго еще стоял на старой дороге, которая в скромном времени оборвется прямо в море, и глядел на раскинувшуюся передо мной темную пойму. Из зинзы гнуло сырой прохладой. Становилось все темнее и темнее. Изредка доносились приглушенные почные шаги звуки. И мне уже начиняло казаться, что я слышу легкий, равномерный всплеск морских волн.

Виктор БАНЬКИН

РАСЦВЕТ ОБЩЕСТВА — РАСЦВЕТ ЛИЧНОСТИ

Личность и общество... Немного насторожился, когда вспыхнули споры на протяжении всей духовной истории человечества. Противоречие между личностью и массой идеологии эксплуататорских классов обывали извечным, неприменимым. Личность, как носитель творческой энергии, как создательница силы истории, твердят они, может развиваться лишь вопреки ей, инертной, однообразной массе; освободите массу, и вы погубите личность, уничтожите индивидуаль-

ности... «Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века искренне верили, что строй, который придет на смену феодализму, будет подлинным выражением личности и дружбы между народами. Обеспечить всестороннее развитие личности, уничтожить противоречие между личностью и обществом, приходит новый социалистический строй.

«Свобода личности» — такое было название Французской буржуазной революции XVIII века. Просветители XVIII века иск

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ ДИСКУССИИ

«Литературная газета» в связи с предстоящим съездом писателей обратилась к ряду видных зарубежных писателей с просьбой поделиться своими мыслями о литературе с советскими читателями.

Мы попросили зарубежных писателей рассказать о том, какие книги привлекают особое внимание читателей из стран в последнее время, о том, какие проблемы обсуждаются литераторами, о том, как наше зарубежные коллеги относятся к творческим дискуссиям советских писателей. Мы попросили зарубежных писателей высказаться также по вопросу о методе прогрессивной зарубежной литературы, рассказывать о проблемах, решаемых в их странах литературоведением и критикой.

Сегодня мы публикуют статью Анны Зегерс, спланную в ответ на это предложение.

В тем писателям в Западной Германии, которые согласны с нами в нашем стремлении к единству и демократии, но не приемлют нашего художественного метода, метода социалистического реализма? Говорилось в Барбурге о том, что нужно для того, чтобы художественное произведение, написанное на тему, актуальную в высшей степени, обладало долгой жизнью.

Перед многими из наших писателей — и молодыми и старыми — встают вопросы, связанные с их творчеством, но лишь немногие литераторы решаются высказаться на эти темы так, чтобы мы все могли участвовать в их обсуждении. А такое обсуждение, несомненно, показало бы, что подобные проблемы возникают не только перед нами одни.

В том положении, в каком находится наша страна, — свыше двенадцати лет ее душа и заряды своим миражами фашизма, после чего она совершила неслыханный переворот — дело не в том, чтобы дать заключенные ответы, важно прежде всего поставить вопросы. Вся суть в том, чтобы назвать их, осознав их серьезность. Мне кажется, что осознание той или иной ситуации является предпосылкой для ее изменения. При этом обязательно тотчас же встает решающий для политики искусственный вопрос: как мне добиться такого осознания ситуации, чтобы я тут же мог привести в действие рычаги для ее изменения?

Боязнь публичных выступлений, боязнь страстных дискуссий связана с боязнью, мешающей затрагивать в литературе некоторые особенно важные темы. Часто они еще не в состоянии были самостоятельно разобраться в событиях. Многие из тех, с которыми я беседовала тогда, ныне обладают ясным политическим пониманием вещей. И если они все еще работают перед подобными темами, то это наина вина, недочет нашей критики, слабое поощрение и слабое помощь с нашей стороны.

Вот, к примеру, одна из многих, отнюдь не единственных тем, которые могут стать у нас предметом дискуссии. Когда мы станем относиться к дискуссиям также серьезно, как советские писатели, то увидим, что многие наши проблемы другого порядка, чем их проблемы. Вероятно, им уже вообще не нужны теперь дискуссии по ряду вопросов, имеющих значение для нас. Ведь у нас возникли вопросы, связанные с расколом нашей страны и нашей столицы. Однако любая подлинно торжественная дискуссия помогла бы нам придать голосу писателя ту силу и резонанс, которые характерны для писателей демократических стран.

В последние годы внимание писателей было сосредоточено, главным образом, на опытах и достижениях нашего строительства. И если эти достижения изображаются в увлекательной художественной форме, это вдохновляет людей на новые подвиги, неизвестные раньше в истории человечества: у нас нет ни одного романа, который можно было бы сравнить с романами, написанными в Германии после первой мировой войны (J. Ренк, A. Цвайг и т. д.).

В Западной Германии некоторые генералы последней мировой войны, со страшным нетерпением ожидающие, когда же разразится новая война, занимаются сопищением мемуаров. Одновременно там появляются различные романы и рассказы о войне. Ганс Гельмут Кирст заканчивает продолжение своего романа «08/15»¹, в котором изображаются те же персонажи, что и в первой части, но на войне. Первая часть этого романа выставлена в витринах всех западногерманских книжных магазинов в качестве «немецкого бестселлера». Роман «08/15», критикующий казарменную мушту, производит большое впечатление, особенно на молодежь Западной Германии, которая с часу на час ждет призыва в вермахт Аденауэра. Вторая часть романа должна показать, что лежит у автора на душе: борется ли он только против казарменной мушки, против устарелой прусской формы милитаризма, чтобы заменить

¹ О романе Ганса Гельмута Кирста «08/15» см. «Литературную газету» от 13 июля 1954 года.—Ред.

мы, писатели, очень много спорят в нашей среде, однако, простой обмен мнениями о достоинствах или недостатках каждого художественного произведения еще не является, так, по крайней мере, я думаю, страстной дискуссией на наиболее острые интересующие нас темы. А разве таких тем мало? Наоборот, их хватит надолго. Я приношу, например, что во время вартбургской конференции писателей Западной и Восточной Германии были поставлены вопросы, правда, уже застрявшими частично в нашей прессе, в действительности не выяснившиеся до конца на примерах: как, скажем, мы относимся

к тем писателям в Западной Германии, которые «современны», психологически утонченны и поэтому особенно опасны милитаризму, — или он обладает волей и мужеством, чтобы последовательно бороться против империалистической войны.

Именно потому, что наши читатели ждут от своих писателей примера и совета, от нас требуется ясное, убедительное изображение того, как бывший солдат вермахта стал борцом за демократию и мир.

Дистанция, необходимая для того, чтобы писать об этом, измеряется отнюдь не расстоянием во времени от определенного исторического периода. Эта дистанция определяется изменением человека.

Изменение может быть воплощено в художественном произведении тогда, когда оно осознано.

Книга, где будут изображены величайшие изменения человека в связи с величайшими событиями, сможет потрясти читателя больше, чем все написанные до этого книги, и дать в его душе ростки, которые изменят его.

Что хочется упомянуть здесь некоторые книги, написанные за последние времена, которые помогают воспитывать людей. Эти книги не похожи друг на друга. Они представляют жизнь с различных точек зрения и их действие развивается в различных областях. Но многообразие произведений и составляет достоинство литературы.

Назову, к примеру, книги Тео Хариха и Готхольда Глогера, получившие недавно премию имени Генриха Манна, присуждаемую нашей академией.

Первая книга Тео Хариха «За темными дамами» изображает тяжелое детство. Он рассказывал, что ему стоило труда, несмотря на то что он был сыном писателя Гайдара, преодолеть «страх перед белой бумагой», рассказывал о том, как люди нового общества ободрили его волю писать свою первую книгу. Тогда он написал продолжение «В Гайдальте» (Гайдальтель — буроугольный бассейн за Мерзебургом, где Харих работал шахтером).

Молодой писатель Глогер живет в Западной Германии и хорошо знает людей Шпессарта, о которых написал свой роман «Филомед». Глейнинг несла знамя². Его новый роман «Лейтенант и его солдат» изображает время освободительной войны против Наполеона.

Недавно писатель Эрвин Штриттматтер³ рассказал на одном собрании о переменах в своей жизни. Этот правдивый рассказ звучал с таким подъемом, как звучит песня. И этот подъем, эта чуткость к языку, к ритму и к шутке пришли к Штриттматтеру из повседневной жизни, от его связи с народом, в первую очередь с крестьянством. Эти качества чувствуются у него, хотя они не всегда одинаково сильно выражены, в его произведениях: в драмах, сказках, рассказах, особенно в его последней книге о жизни немецких пионеров — романе «Тинко».

Многоество примеров свидетельствует о том, что писатель может оказывать влияние на людей, а иногда и на целые слоны своего народа, затрагивая вопросы, внутренне особенно ему близкие благодаря его прошлому, его личному опыту, благодаря различным особенностям его дарования.

Мы благодарны советским писателям. Они показали нам, какую помощь может окказать литература в борьбе за нового человека.

Анна ЗЕГЕРС
БЕРЛИН, октябрь.

² О книге Глогера см. в статье «Книги, разоблачающие боницких реваншистов» в «Литературной газете» от 7 августа 1954 г.—Ред.

³ Эрвин Штриттматтер — молодой немецкий писатель, начавший литературную деятельность в послевоенные годы. Его пьеса «Каценграбен», посвященная жизни современной немецкой деревни, удостоена Национальной премии за 1953 год.—Ред.

КАК АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА ДЕЙСТВУЕТ В ИРАНЕ

ЦРУ Аллен Даллес играл в этом деле, по признанию авторов, «непосредственную роль».

Дальше следуют подробности: летом 1953 года (как раз в то время, когда правительство Мосаддика начало переговоры с правительством Советского Союза об урегулировании ряда вопросов, касающихся взаимоотношений между обеими странами) руководитель ЦРУ А. Даллес собрал свои вещи и вылетел в Европу, чтобы вместе с женой простились отпустив в Швейцарии Альпы. Одновременно послы США в Иране Гендерсон решил, что он может оставить свой пост для кратковременной поездки в Швейцарию «для отдыха». На той же неделе к тому «отыхающим» присоединилась сестра иранского шаха, принцесса Ашраф.

Остальное известно: в августе в Тегеран прибыл американский бригадный генерал Шварцкопф, чтобы «увидетьсь со старыми друзьями». Шварцкопф, подчеркивают Р. Г. Харксис, в течение многих лет до этого развертывал активную деятельность в Иране, «пресрангуя» иранскую полицию, в результате чего он «стал другом и советником таких людей, как генерал-майор Захеди, его коллег по полиции и самого шаха». Под его руководством в столице Ирана были организованы беспорядки, правительство Мосаддика было свергнуто и у власти поставлен один из друзей Аллена Даллеса и Шварцкопфа — Р. Г. Харксис, в течение многих лет до этого развертывавший активную деятельность в Иране, «пресрангую» иранскую полицию, в результате чего он «стал другом и советником таких людей, как генерал-майор Захеди, его коллег по полиции и самого шаха». Под его руководством в столице Ирана были организованы беспорядки, правительство Мосаддика было свергнуто и у власти поставлен один из друзей Аллена Даллеса и Шварцкопфа — Р. Г. Харксис, в течение многих лет до этого развертывавший активную деятельность в Иране, «пресрангую» иранскую полицию, в результате чего он «стал другом и советником таких людей, как генерал-майор Захеди, его коллег по полиции и самого шаха».

Статьи в «Сатердей инвинг пост» призывают яркий свет на действительную подоплеку политических событий в Иране. Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Боннское зеркало дня

Объявление, помещенное 17 октября 1954 года в западногерманской газете «Дер тагесшпигель» («Зеркало дня»):

«Спрос и предложение труда.

ОСОБА.

Полковник авиации в отставке, последнее место службы — ответственный лицо в военной промышленности, имеет юридическое образование, в течение ряда лет глава известного индустриального предприятия, ищет соответствующую интересную работу.

Хорошие связи в кругах, участвующих в восстановлении вермахта. Имеет сильное материально-независимое положение. Из лучших слов общества. Представительный собственный дом. Размер оклада не имеет решающего значения.

Предложения с пометкой: «Ку. Д. 154» направлять в редакцию газеты «Дер тагесшпигель», Берлин 15, Курфюрстендамм, 188/89.

Сатирик, пожелавший изобразить себестоимость западногерманскую действительность, не придумал бы лучшего объявления!

«Магазин дайджест» в июньском номере советует такому человеку перенести свой столик с едой ближе к окну и, пока идет поглощение пищи, — для развлечения и улучшения аппетита, — следить за проходящим на улице.

Ну трогательная ли забота? И все с тем же смыслом: обратить обычного человека в существа беспомощно-глупое, требующее указаний даже в пустяках.

Но довольно читателю журнала заниматься своими мелкими хлопотами — выбирать жены, излечившим от меланхолии, манипуляциями с обделенным столиком! Порадуйте молодую заняться каким-нибудь серьезным делом.

Например, убийствами... Нет, это неничьяя шутка! Достаточно прочесть статью в мартовском номере журнала «Магазин дайджест», посвященную убийствам в США, чтобы понять, что перед нами не просто статья, а некоторым образом рукоделие, самоучитель, как заняться этим прибыльным ремеслом.

В самом деле, тут все указано: где лучше совершить преступление, в какое время, каким оружием и кого именно выбрать для жертвы? Все это поддается под видом научного исследования со ссылкой даже на некоего социолога Герхарда Фальфа из университета Пенсильвании.

При чтении статьи выясняется, что наибольшее количество убийств совершается в южных штатах — туда и надо направляться. Лучше это сделать не в преклонном возрасте, а до 34 лет, и лучше летом, и лучше огнестрельным оружием, и т. д., ибо статистика подтверждает и этот возраст, и это время года, и это оружие.

И опять цифры и цифры, статистические выкладки, ссылки на авторитеты, словно побивающие: попробуйте, молодой человек, попытайтесь-ка счастья на этом приключении долларов!**

Многие старые журналы из второсортных имений на последней странице крошащимся отделом под названием «Всё для всячина» Мелким убористым шрифтом, как бы стыдясь, тут сообщали всякого рода «случаи из жизни», курьезные, загадочные: рождались теленок с пятью ногами, или придворная ладья вошла не в ту дверь, или некая девочка встретила в вагоне конно-железной дороги свою умершую тетку и т. д. и т. п.

Рассчитано все это было, конечно же, на высокий вкус. И вот метаморфоза! Американские издания, о которых сейчас идет речь, обратили эти задворки второсортной журналистики в главные, ведущие, определяющие лицо журнала отрасли. На «клипе» же этого написан недавно скандальный призыв:

«Доверьте мне, или за мной, и я тебя обрадую в существе глупое, попшое, инертное, которым можно управлять и таскать и таскать».

Во втором полугодии 1954 года в журнале «Чанг» фигурировало племя дикарей, которые наливали своим детям до периода их возмужания железный обруч на лоб. Человек у бедного ребенка начинал расти в линии, огурцом... Можно сурою отнести к этому страшному обычью, но одно следует сказать в оправдание: эти люди не расхваливали свой «образ жизни» и не стремились к господству над не «обрученосцами».

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет 7 ноября 1954 г.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ,

Г. ГУЛЛА, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

Редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ,

Г. ГУЛЛА, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ,

Г. ГУЛЛА, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ,

Г. ГУЛЛА, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. А